

несомненно, с большим интересом ознакомились бы с таким анализом и сопоставлениями.

В разных местах книги, в связи с рассмотрением тех или иных вопросов, по частям освещается развитие науки о палеолите в XIX и XX вв. и ярко показаны достижения отечественных исследователей палеолита. Но отсутствие специального историографического раздела, в котором развитие науки о палеолите было бы последовательно изложено, бесспорно является недостатком рецензируемого труда. Книга выиграла бы и от присутствия в ней хотя бы небольшого заключительного раздела, кратко подытоживающего весьма обширный текст. В настоящем своем виде изложение как-то обрывается.

Наконец, два слова об иллюстрациях. Книга тщательно иллюстрирована. Иллюстрации являются в большинстве своем свежими и интересными. Особенно ценны ранее нигде не публиковавшиеся репродукции костяных изделий и произведений искусства из раскопок П. П. Ефименко в Костенках I. Но описание некоторых первоклассных палеолитических памятников СССР вовсе не подкреплено иллюстративным материалом (древнепалеолитические местонахождения Абхазии, Тешик-Таш, стоянка Талицкого, Пушкири, Супонево и др.). Жаль, что в книге отсутствуют и специально составленные сводные, обобщающие таблицы, иллюстрирующие описание отдельных памятников или их групп.

Заключая, отмечу, что книга П. П. Ефименко представляет собой фундаментальный труд, подытоживающий не только почти пятидесятилетнюю деятельность ее автора в области археологии СССР, но и достижения всего коллектива советских исследователей палеолита. Книга П. П. Ефименко представляет крупнейший вклад в советскую историческую науку. Несомненно, что она долгое время не только будет являться настольной книгой для советских и зарубежных археологов и историков, но послужит фундаментальным справочником и для более широких кругов читателей, работающих в области смежных дисциплин.

Сопоставление рецензируемой книги с ее первым изданием (П. П. Ефименко, Дородовое общество, Л., 1934), вышедшим около 20 лет назад, демонстрирует серьезные успехи советской археологической науки за истекшие два десятилетия. Но показательно и другое. Прошло меньше двух лет с момента сдачи в печать текста рецензируемой книги, а последний уже нуждается в серьезных дополнениях новыми материалами, открытыми советскими исследователями палеолита и не успевшими попасть в книгу. Только за истекшие два года открыты древнепалеолитические местонахождения в Юго-Осетии и на Средней Волге, раскопана мустьерская стоянка в Сталинграде, открыта новая мустьерская пещера близ Бахчисарая, открыты три палеолитических погребения в Костенках, обнаружено немало новых палеолитических стоянок и местонахождений на Украине и в азиатской части СССР. Анализ и историческому освещению этих вновь открытых материалов будет в немалой степени содействовать книга П. П. Ефименко.

П. Борисковский

НАРОДЫ СССР

Академия наук Латвийской ССР. Институт истории и материальной культуры. *История Латвийской ССР*, т. I, Рига, 1952¹.

Выход в свет I тома трехтомной «Истории Латвийской ССР» на латышском и русском языках является крупным событием в культурной жизни латышского народа и вместе с тем значительным достижением советской исторической науки. В работе над созданием I тома участвовал сравнительно небольшой авторский коллектив, возглавляемый лауреатом Сталинской премии чл.-корр. АН СССР Я. Я. Зутисом. В число авторов входят сотрудники Института истории и материальной культуры Академии наук ЛССР Т. Я. Зейд, М. К. Степерман, Б. Р. Брежго, В. В. Дорошенко. Раздел первый «Первобытно-общинный строй на территории Латвийской ССР» написан археологами — проф. Х. А. Моора (АН Эстонской ССР) и Э. Д. Шноре (сектор археологии Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР).

Книга представляет собой первый марксистский труд по истории Латвии. При оценке научного значения проделанной работы следует учитывать те огромные трудности, которые стояли перед авторами, особенно на первом этапе подготовки к изданию этого капитального труда. До настоящего времени не было каких-либо обобщенных, систематизированных трудов по истории Латвии. Ряд важнейших вопросов из ее истории не был ранее вообще изучен. На протяжении столетий историю латышского народа представляли в искаженном свете немецко-балтийские дворянско-буржуазные историки, позднее ее беззастенчиво фальсифицировали латышские буржуазные националисты.

¹ «История Латвийской ССР» (том I) на русском языке вышла в свет в конце 1952 г., на латышском — в 1953 г.

Советские историки Латвии поставили перед собой задачу разоблачить фальсификаторов истории, разгромить их ложные концепции, восстановить подлинную историю латышского народа и одновременно постараться ответить на ряд вопросов, не исследованных или недостаточно выясненных прежде. Авторскому коллективу, как справедливо отмечается в предисловии от редакции, пришлось в связи с этим проделать большую предварительную работу по изучению первоисточников, поднять множество архивных материалов, подвергнув их анализу с позиций марксистско-ленинской теории. Читая книгу, убеждаешься, насколько успешно — в такой короткий срок — авторы справились с этими ответственными и сложными задачами. Серьезная помощь в процессе написания I тома «Истории Латвийской ССР» была оказана научному коллективу Института учеными братских союзных республик, в особенности Институтом истории Академии наук СССР. Примером сотрудничества ученых может служить выездная сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР, проведенная в Риге в ноябре 1951 г., на которой подвергался обсуждению макет I тома. В работе сессии принял активное участие ряд видных ученых — археологов, этнографов, лингвистов — от научных учреждений Академии наук СССР и академий некоторых союзных республик; своей товарищеской критикой они помогли авторам разобраться в спорных и сложных вопросах истории народов Восточной Прибалтики.

I том рецензируемой работы, посвященный истории первобытно-общинного и феодального общества на территории Латвийской ССР, состоит из 26 глав, объединенных в 6 разделов, соответствующих крупным периодам в истории Латвии (до середины XIX в.).

Рецензируемая книга, благодаря использованию в ней богатого и разностороннего фактического материала, представляет значительную ценность не только для собственно историков, но и для специалистов смежных исторических дисциплин — археологов, этнографов, историков искусства, а также для языковедов.

В настоящей рецензии мы намерены остановиться преимущественно на тех вопросах, которые непосредственно интересуют этнографов. К ним относятся прежде всего проблемы, связанные с историей первобытно-общинного строя и становления классового общества на территории Латвии, а также проблемы происхождения и дальнейшей этнической истории народов Восточной Прибалтики.

Изложение ранних периодов истории Латвийской ССР (гл. I, II и частично III) начинается с анализа богатых археологических материалов, часть которых представляет собой оригинальные, ранее не опубликованные данные, впервые введенные в научный оборот (таковы, например, материалы раскапываемых в настоящее время городищ Асоте, Тервисте и др.). Наиболее удачны, по нашему мнению, в этих главах разделы, характеризующие хозяйство и материальную культуру древнего населения территории Латвии. Высказанные авторами положения о смене хозяйственных форм и их датировка не вызывают возражений и полностью подтверждаются приводимыми материалами.

Вместе с тем, характеристика вопросов, касающихся общественного строя населения эпохи первобытности, страдает в ряде существенных моментов схематизмом. Некоторые выводы авторов не вытекают из материала, а звучат скорее как догма. Так, например, совершенно догматичным, ничем не доказуемым для территории Латвии является синхронизация материнского рода с памятниками мезолита. В главе I такая синхронизация подчеркнута даже в подзаголовке (стр. 8). Известный схематизм наблюдается также при трактовке перехода от родовых объединений к племенным и далее к «землям». В частности, выдвигая правильное положение о «землях» как территориальных объединениях (стр. 35), авторы не раскрывают общественно-экономического содержания этих объединений. Оставшаяся неясность в этом вопросе по существу не дает права с такой определенностью говорить о «землях».

Проблема этногенеза, которой в I главе книги уделено значительное внимание, решается авторами в основном правильно. Их выводы о наличии на территории Латвии, начиная со II тысячелетия до н. э., двух этнических элементов: более древнего местного финно-угорского населения и пришлого населения — предков балтийских или латышско-литовских племен — и об их длительном мирном взаимодействии (стр. 18—19) подтверждаются данными языка и материалами новых антропологических исследований, только что завершенных как в отношении современного населения, так и по палеантропологическим материалам (начиная с эпохи неолита)². Данные антропологии и этнографии подтверждают также мысль о проникновении на территорию Восточной Прибалтики, в частности Латвии, восточнославянских элементов.

Следует вместе с тем отметить, что авторы, смело решая проблему этногенеза народов Прибалтики на более поздних его этапах (начиная со II тысячелетия до н. э.), слишком осторожно высказываются по вопросу о путях первоначального заселения этой территории. Мы считали бы, что в свете работ А. Я. Брюсова³ и последних

² См.: Н. Н. Чебоксаров, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете новейших антропологических данных, «Вестник Академии наук Эстонской ССР», 1953, № 3; К. Ю. Марк, Палеантропология Эстонской ССР, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953.

³ См. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1932.

исследований литовских археологов⁴ имеются все основания высказать предположение о двух путях этого заселения: восточном (из Приуралья) и юго-западном (из бассейна Вислы).

Значительную научную ценность имеет новая трактовка генезиса феодализма на территории Латвии. Еще совсем недавно, не более трех лет назад, советские историки Прибалтики считали, что феодальные отношения у латышей и эстонцев стали господствующими только в XIII в. В свете новых исследований, проведенных ими в процессе подготовки к изданию I тома «Истории Латвийской ССР», возникновение феодализма датируется на два-три столетия ранее. Тем самым полностью опровергаются измышления немецко-балтийских историков о «культуртрегерстве» немецких завоевателей, а также до конца разоблачаются лживые концепции буржуазных ученых о «золотом веке» латышского народа до XIII в., о «народном единстве», об отсутствии в латышском обществе в то время классов и классовых противоречий.

Одной из центральных проблем, затрагиваемых во всех разделах книги, является проблема исторически сложившихся экономических, политических и культурных связей латышей с соседними народами, прежде всего с русскими. Приведенный в книге фактический материал неопровержимо свидетельствует о том, что эти связи восходят к глубокой древности и что они не только не ослабевали, а, наоборот, крепились в ходе дальнейшего исторического развития латышского народа.

Большим достоинством книги является также то, что в ней уделено значительное место освещению культуры и быта латышей. Краткая характеристика особенностей культуры населения Латвии накануне вторжения крестоносцев дается в специальном разделе II главы (стр. 73—77), написанной В. В. Дорошенко. Освещению латышской народной культуры периода развитого феодализма (XIII — начало XVII в.) посвящена глава IX (стр. 217—229), автором которой является Т. Я. Зейд. Быт и культура латышского народа в период позднего феодализма (XVII—XVIII вв.) описаны М. К. Степерманом в главе XV (стр. 370—399). Наконец, различным сторонам материального быта и культуры латышей в период разложения барщинного хозяйства (конец XVIII — начало XIX в.) посвящена глава XXII, написанная проф. Я. Я. Зутисом. Помимо названных специальных глав, материал о культуре и быте народа можно также почерпнуть и во многих других разделах книги, особенно в тех, где характеризуется положение крестьянства, развитие ремесла, торговли и городов.

Заслуживает быть особо отмеченным, что авторами при написании указанных глав использованы, кроме этнографической литературы (пока еще довольно бедной), памятники устного народного творчества, материалы музеев (Центрального исторического музея, Государственного музея народного быта) и, что особенно ценно, различные исторические и архивные источники; в их числе — старшая и младшая Ливонские рифмованные хроники, описание путешествия по Курземе французского рыцаря Лануа (1414), описание Восточной Европы, составленное итальянским географом Гваньини (1578), материалы участника посольства бранденбургского курфюрста Н. А. Бранда (1675), описание Розина Лептиля (1692), труды А. В. Гуппеля, Олсария и другие.

Материал, изложенный в названных выше II, IX, XV и XXII главах книги, довольно полно освещает различные стороны культуры и быта народа в их исторической последовательности.

В главе II и частично в IX, где в значительной мере использован и археологический материал, разоблачается несостоятельность упомянутой выше «культуртрегерской теории», имевшей целью оправдание жестокой политики немецких завоевателей. В опровержение этой «теории» приводится конкретный материал, свидетельствующий о том, что коренное население Восточной Прибалтики после вторжения крестоносцев не только не приобщилось к «благам высшей западноевропейской культуры», но, наоборот, переживало упадок своей культуры. Это явилось неизбежным следствием грабительских феодальных войн и разорения, причинявшегося населению немецкими феодалами.

В IX и последующих главах уделено большое внимание выяснению форм крестьянского расселения на территории Латвии и происходивших в них изменений. Опровергая с фактами в руках лже теорию немецких авторов, подхваченную впоследствии латышскими буржуазными националистами, об извечности хуторского расселения на территории Латвии, авторы восстанавливают историческую правду и подчеркивают, что хуторская система расселения была насильственно насаждена немецкими феодалами с целью упрочения их господства в Прибалтике⁵. В подтверждение своих положений авторы приводят данные исторических источников, а также рисунки деревень XVI—XVIII вв. Большой и интересный материал приведен по крестьянскому жилищу, его внутреннему убранству, а также по хозяйственным постройкам. Материал этот знакомит с техникой строительства, типами жилых и хозяйственных построек, их локальными отличиями, а также с изменениями в облике жилых и прилегающих к ним строений, происходившими в связи с изменениями социально-экономических условий жизни народа. Довольно подробно описаны народная одежда латышей, техника ее

⁴ Имеются в виду результаты археологических раскопок, проведенных за последние годы Н. Куликаускас и Р. Куликаускиене (см. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», вып. XLXII).

⁵ Подробнее об этом см. в статье Л. Н. Терентьевой в настоящем номере журнала.

изготовления и орнаментация. Интересный материал собран о средствах передвижения, сельскохозяйственных орудиях и производственных навыках латышских крестьян. Приведены также сведения о пище, домашней утвари и домашних ремеслах.

К достоинствам рецензируемой книги следует отнести строгую хронологическую датировку приводимых материалов и наличие анализа классовой принадлежности описываемых элементов материальной культуры, т. е. как раз то, что нередко упускают в своих работах этнографы. Заслуживает также внимания подход авторов, при котором описание особенностей материальной культуры проводится не в отрыве от человека, а в связи с его трудовой деятельностью и бытом. Последнее позволяет более полно раскрыть подлинную жизнь народа.

Наряду с материальным бытом в книге найдла свое освещение и духовная жизнь народа. На страницах указанных глав рассказывается о некоторых обрядах и обычаях латышей, о народных знаниях и суевериях, дается краткое знакомство с богатым латышским фольклором, сообщаются данные о состоянии школьного дела и народного образования. Удачным, по нашему мнению, является включение в главу XXVI, где идет речь о духовной культуре народа, материалов о первых латышских просветителях XIX в. как выразителях дум и чаяний народа. Правильно подчеркивается наличие при феодализме двух культур, чуждых и враждебных одна другой, — культуры немецких феодалов и бюргеров и культуры коренного населения — крестьянской по своему содержанию и латышской по форме (стр. 217 и 370). Основываясь на богатом фактическом материале и резко критикуя немецко-прибалтийских историков и латышских буржуазных «ученых», авторы последовательно проводят мысль о благотворном влиянии русской культуры на культуру латышского народа.

Ценность конкретных материалов по культуре и быту латышей увеличивается многочисленными иллюстрациями, сопровождающими все главы (кроме IX). Среди иллюстраций необходимо особо выделить рисунки И. Х. Бротце⁶, которые сами по себе представляют ценнейший источник для исторических и этнографических исследований. В числе этих рисунков имеется более всего иллюстраций по народной одежде латышей различных уездов, а также по поселениям, жилищу, мебели, оружию, труду, средствам передвижения и различным трудовым процессам. Некоторые из аннотаций к рисункам И. Х. Бротце весьма удачно введены в текст. Обращают также на себя внимание по своей выразительности и тематике рисунки А. Г. Боссе⁷. На них мастерски изображены представители трудового люда Латвии середины XIX в. (например, бобыль, Криш Лиепинь, деревенский ремесленник-сапожник Юрис Юргенс, деревенский кузнец Ян Эйзенвальд и др.). Рисунки И. Х. Бротце и А. Г. Боссе помещены и в других разделах книги.

Представленные в главах IX, XV и XVII материалы в своей совокупности дают достаточно полную картину быта и культуры латышского народа. Это выгодно отличает I том «Истории Латвийской ССР» от многих других исторических работ, даже вышедших в последние годы. В этом отношении нельзя не согласиться с одной из передовых настоящего журнала⁸, указывающей на существенный пробел исторических работ и, в частности, работ по истории отдельных народов, в которых упускаются эти вопросы. Включение в I том «Истории Латвийской ССР» обширного, хорошо документированного материала, характеризующего различные стороны культуры и быта латышского народа, и большая исследовательская работа, проведенная авторами по сбору и систематизации этого материала, заслуживают, по нашему мнению, значительно большего одобрения, чем это отмечено в названной выше передовой журнала «Советская этнография».

Оценивая положительно как рецензируемый труд в целом, так и отдельные его главы, наиболее интересные для этнографов, приходится, однако, пожалеть (как это отмечал уже в своей рецензии кандидат исторических наук А. Вассар⁹), что удачно взятое в начале книги направление — освещать вопросы этногенеза и этнической истории латышского народа — оказывается в дальнейшем прерванным. Читатель не получает достаточно ясного представления о путях образования и развития латышской народности феодального периода. Правильно поставленный в начале книги на основании данных археологии вопрос о тесном взаимодействии двух культур — эстонско-ливской и латышско-литовской — не получает освещения на более поздних этапах истории латышского народа, в то время как о таком взаимодействии неопровержимо свидетельствуют этнографические материалы, относящиеся к XVIII—XIX вв. Так, например, верно подмечая местные особенности материальной культуры латышей, авторы нередко сводят их только к социально-экономическим причинам, не учитывая культурного взаимодействия с соседними народами. В качестве примера можно привести объяснение при-

⁶ И. Х. Бротце (1742—1823) — преподаватель рижского лицея. Рукопись его (J. Ch. Brotze, Sammlung verschiedener Lievländischer Monumente, Bd. I—X), представляющая собой собрание рисунков с аннотациями, хранится в библиотеке Академии наук Латвийской ССР.

⁷ Собрание рисунков А. Г. Боссе (A. G. Bosse, Bildnisse, 1857) хранится в Центральном государственном историческом музее в Риге.

⁸ См. журнал «Советская этнография», 1953, № 3.

⁹ См. А. Вассар, Серьезное исследование по истории латышского народа, «Коммунист Советской Латвии», 1953, № 7, стр. 71—76.

чин сохранения в Видземе жилой риги (стр. 372). Несомненно, что наличие и сохранение риги на территории Видземе, заселенной ранее ливами и эстонцами, связано, по крайней мере частично, с этническими традициями этих финских народов. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Все перечисленные недостатки рецензируемого труда не имеют, однако, принципиального характера и легко могут быть исправлены во втором издании книги. Надо надеяться также, что в следующих томах «Истории Латвийской ССР» характеристике культуры и быта латышского народа будет уделено не меньшее внимание, чем в первом томе.

Л. Терентьева, Н. Чебоксаров

НАРОДЫ АФРИКИ

ДВЕ КНИГИ О ФРАНЦУЗСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Ф. Жоли, Л. Аяш, Ж. Фардель, Л. Сюэш. *География Марокко*. Сокращенный перевод с французского. Предисловие В. Я. Васильевой. Редактор О. К. Парчевский. Издательство иностранной литературы, М., 1951.

Поль Себа. *Тунис*. Опыт монографии. Перевод и предисловие Н. Н. Баранского. Редакторы М. М. Павлов, Е. А. Щукин. Издательство иностранной литературы, М., 1953.

Марокко и Тунис принадлежат к числу тех поработанных империализмом стран, в которых в результате исторических побед Советского Союза во второй мировой войне нарастает мощное национально-освободительное движение. Вследствие своего стратегического положения и запасов ценного сырья Тунис и особенно Марокко подверглись проникновению американских экспансионистов, вытесняющих своих французских партнеров. Территория Марокко и Туниса «используется для военных баз, а их население подготавливается к роли «пушечного мяса» в будущей войне»¹. Одновременно происходит дальнейшее наступление на жизненный уровень и политические права трудящихся. Однако по мере того как усиливается гнет американско-французских колонизаторов, растет и ширится национально-освободительная борьба народов этих стран, встречающая горячую поддержку прогрессивной общественности мира.

Книга «География Марокко» вышла в свет в 1949 г. В Марокко в это время усиливалось массовое антиимпериалистическое движение, проходили крупные политические забастовки, сопровождавшиеся кровавыми инцидентами. Монография Поля Себа вышла в 1951 г., в период усиления американской экспансии в Тунисе, в период нарастания рабочего и общенационального движения. Обе книги предназначены были удовлетворить широкие круги французских читателей, интересующихся напряженным положением в Северной Африке. Посмотрим, как справились авторы с этой задачей.

«География Марокко» состоит из 18 глав. Из них главы I—VI посвящены физической географии страны, VII—VIII — истории Марокко и его населению, IX—XVIII содержат экономико-географическую характеристику отдельных районов страны и отраслей экономики: сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли. Работа снабжена картами, диаграммами, фото-иллюстрациями. В последних двенадцати главах содержится и этнографический материал, представляющий интерес в особенности потому, что авторы, преподаватели марокканских школ, непосредственно общались с населением описываемых районов. В целом вопросам экономической географии, истории, этнографии и современной политической жизни посвящено не менее половины объема рецензируемой работы. К сожалению, именно эта часть книги по своей методологии и ценности собранных материалов является наиболее слабой, а в ряде случаев содержит и прямую фальсификацию фактов. Книга не столько знакомит читателя с полными условиями жизни марокканцев, сколько уводит его от наиболее острых вопросов, связанных с деятельностью американских и французских колонизаторов в Марокко.

В седьмой главе авторы коротко излагают историю Марокко, начиная палеолитом и кончая империалистической колонизацией. Проблема этногенеза берберов решается крайне просто: в каменном веке происходили «великие переселения народов», в результате которых образовались берберские народности. Некоторые из них, «быть может, родственны кроманьонцам, заселявшим некогда юг Галлии и еще сохранившимся (!) до наших дней (!!) на Канарских островах» (стр. 64). Здесь же авторы отдают дань модной в современной буржуазной антропологии материи «блондинизма»: светловолосые берберы являются северянами, пришедшими в ранние времена в Северную Африку.

Дальнейшая история Марокко в изложении авторов сводится к некоему калейдоскопу переселений, вторжений и завоеваний. Перед глазами читателя проходят финикийцы, римляне, вандалы, арабы, «андалузцы», европейцы, десятки династий и сраже-

¹ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 18.